

ОЛЬГА ИВАНОВА

Не повернуть время вспять...

ДНЕВНИК МАМЫ ОСОБОГО
РЕБЕНКА

Ольга Иванова

**Не повернуть время вспять...
Дневник мамы особого ребенка**

«Издательские решения»

Иванова О.

Не повернуть время вспять... Дневник мамы особого ребенка /
О. Иванова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857190-9

«Мама ребенка-инвалида» — такой диагноз мне был поставлен более 17 лет назад. Как научиться с этим жить? Как научиться не сваливаться в депрессию, как найти силы улыбаться и жить дальше? Моя книга — о том, что делать, кого слушать, чьи советы отвергать, как найти в себе силы жить и воспитывать ребенка-инвалида. Эта книга будет полезна как матерям особых детей, так и обычным мамам, а также любому человеку, интересующемуся воспитанием детей и путешествиями с детьми.

ISBN 978-5-44-857190-9

© Иванова О.
© Издательские решения

Содержание

Не повернуть время вспять	6
Предыстория, или Начало	8
Благодарности	9
Глава 1. Рождение, или Как все начиналось	11
Глава 2. Гематома	17
Глава 3. Детский сад	21
Глава 4. В первый раз – в первый класс	24
Глава 5. Ваня	27
Глава 6. Люди, встречающиеся на нашем пути, или Про врачей, хороших и не очень и их советы	29
Глава 7. Я	32
Как я делала дипломную работу в палате нейрохирургии	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Не повернуть время вспять... Дневник мамы особого ребенка

Ольга Иванова

*Истинно горе тому человеку, кто не имеет смирения.
Кто не умеет сам смиряться, того впоследствии будут смирать
люди,
а кого не смиряют люди, того смирит Бог.
Прп. Антоний Оптинский.*

© Ольга Иванова, 2017

ISBN 978-5-4485-7190-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не повернуть время вспять (вместо вступления)

Матерям всех недоношенных детей и детей-инвалидов посвящается.

22 марта 2000 года моя дочь родилась во второй раз. Почему во второй? Потому что именно в этот день ей сделали первую операцию на головном мозге.

О том, что на операции она чуть не умерла, я узнала случайно от своей соседки по палате, которая, точно так же, как и я, находилась в отделении нейрохирургии со своей дочкой, только, в отличие от моей, ее дочке было 3 года, и она умирала от рака мозга, и сделать ничего было уже, увы, нельзя...

Лида (так звали маму умирающей девочки) – знала всех в этой больнице – от заведующего отделением до уборщицы, и от лифтерши она узнала, что на операции в этот день чуть не умерла девочка, это была моя дочь, потому что была слишком маленькой для такой сложной операции – ей было 5 месяцев, но весила она всего 4 кг, потому что родилась недоношенной.

С диагнозом нам повезло больше, чем Лидиной дочке – у Анюты была всего лишь водянка мозга, если по-научному – гидроцефалия, а не злокачественная опухоль.

Все познается в сравнении. И уже потом я, точно так же, как и Лида, знала всех в этой больнице. И уже потом операций было еще несколько. И уже потом я делала диплом в палате нейрохирургии, не желая брать академический отпуск и откладывая свою учебу еще на год, боясь, что потом будет не до учебы. И уже потом были мои статьи-заметки в газете «Вырастай-ка» (приложении к общероссийской газете «Спид-инфо») о том, что любовь творит чудеса, и благодаря этому моя дочь в год начала вставать в кроватке и говорить некоторые слова.

И уже потом было 6 месяцев больниц. Когда моей дочери был годик, мы посчитали – ровно половину из этого года мы с ней прожили дома, и ровно половину – провели в больницах, самых разных.

Все это было потом. Если бы можно было повернуть время вспять... Что бы я сделала по-другому? Да ничего, наверное.

Я точно так же не оставила бы свою дочь в детдоме, как мне наперебой предлагали врачи – педиатр и невропатолог – в детской городской больнице, честно глядя мне в глаза и говоря при этом – ты же молодая, еще родишь, тебе всего 25 лет, не думая при этом, как я буду после этого жить, если так поступлю.

А еще они говорили, что обычно матерей детей-инвалидов бросают мужья. А еще они говорили, что, скорее всего, к водянке мозга может добавиться детский церебральный паралич (ДЦП) – к счастью, этого не случилось...

Я точно так же стала бы искать все мыслимые и немыслимые способы поставить дочь на ноги – в прямом смысле слова, потому что врачи настойчиво говорили о том, что моя Анютка ходить не будет, как, впрочем, и говорить.

Я точно так же расстраивалась бы, наверное, из-за врача в реанимации детской городской больницы, который, прочитав медицинскую карту дочери и увидев, что мой муж по профессии кузнец, радостно спросил меня: «Это что, у вас папа так плохо накузнечил?»

Обидно было до слез. Я и плакала. А потом у меня пропадало молоко, и дочке становилось хуже, видимо, от моих слез. Ведь дети – они все чувствуют.

А вот что я сейчас точно изменила бы, случись со мной вновь та же история – я бы отнеслась к ней несколько иначе. Не зря ведь говорят: «Если не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней». А еще говорят: «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». И это действительно так.

Сейчас я не стала бы слушать подряд все советы врачей, потому что порой, если пациент захочет жить, то медицина бессильна – он все равно будет жить! Моя дочка, видимо, очень хотела жить и делала для этого все возможное.

Я не стала бы расстраиваться и плакать, я просто выливала бы все свои расстройства, обиды и гнев на бумагу, тогда я не знала об этом прекрасном способе.

Стала бы я рожать свою дочь, если бы знала заранее, еще на УЗИ, что она больна? Однозначно, стала бы. Без вариантов.

И не только потому, что аборт – это грех, это я сейчас понимаю, а тогда я этого, увы, не знала. А просто, наверное, по морально-этическим нормам, потому что не смогла бы жить дальше спокойно, если бы так поступила.

Наверное, хорошо, что время нельзя повернуть вспять.

Наверное, хорошо, что мы совершаем ошибки, на которых учимся.

Что я чувствую сейчас? Глубокую благодарность – моей дочке, за то, что она выбрала именно нашу семью, чтобы родиться, если честно, даже не представляю, как бы я сейчас жила. Как-нибудь жила бы, но это была бы совсем другая жизнь, не такая, как сейчас. Глубокую благодарность – судьбе, Богу, мужу – за то, что все эти серьезные испытания выпали на долю нашей семьи, и мы с честью и достоинством из них вышли.

Не повернуть время вспять...

И не надо поворачивать, надо просто жить, быть «здесь и сейчас», радоваться жизни, каждому мгновению, солнечному свету за окном и пасмурному небу, весеннему дождю и снежной метели.

Надо жить настоящим, но помнить, что этого сегодняшнего дня могло бы не быть, если бы не было дня вчерашнего.

Предыстория, или Начало

Идея написать эту книгу возникла у меня, когда в моей жизни, как грибы после дождя, начали возникать больные дети...

Солнечная девочка Ладушка и ее чудесная мама Лена; мама Оля и ее дочка Аленка, тоже с гидроцефалией, но это у них как сопутствующее заболевание; мама Лена и дочка Алина, которой инвалидность дали лишь в подростковом возрасте.

Сколько их разом встретилось на моем пути. И все говорили, что разговор со мной им помог. Увы, с каждым годом все больше и больше рождается детей-инвалидов, а как с этим жить их мамам – никто не знает...

Синдром Дауна, синдром Денди-Уокера, опухоль головного мозга, микроцефалия, гидроцефалия. Каких только названий болезней я не узнала, когда стала мамой ребенка-инвалида. Недавно узнала новое – «ювенильный артрит». «Мама ребенка-инвалида» – это ведь тоже своего рода диагноз. Мне он был поставлен более 17 лет назад.

Как с этим жить?

Где искать ответы на вопросы?

Я многого не знала, интуитивно находила ответы на свои вопросы, думая, что я одна такая со своей бедой.

Насколько мне было бы легче, если бы рядом со мной тогда были единомышленники.

Такие же мамы, которые понимают всю боль, ту самую боль, когда тебе впервые говорят, что твой ребенок неполноценен.

Как научиться с этим жить?

Как научиться не сваливаться в депрессию, как найти силы улыбаться и жить дальше?

Вот об этом моя книга – о том, как жить дальше и что делать, кого слушать, чьи советы отвергать, как найти в себе силы жить и воспитывать ребёнка-инвалида.

Благодарности

Я благодарна всем тем, кто так или иначе причастен к созданию этой книги.

Я благодарна, в первую очередь, моей дочери: не было бы ее, не было бы ни этой книги, ни многого другого в моей жизни...

Я благодарна моей семье: моему любимому мужу Александру Сергеевичу, моей самой главной опоре и поддержке, моему сыну Ивану, о котором тоже много написано в книге и если бы у нас не было старшего ребенка, кто знает, какой бы выросла Анята.

Я благодарна нашему старшему поколению: моим родителям – Нине Павловне и Анатолию Владимировичу, родителям моего мужа – Фаине Ивановне и Сергею Михайловичу.

Я благодарна всем врачам, которые встретились на нашем пути, но этим людям в особенности (не могу не перечислить их всех поименно):

Тройникову Владимиру Георгиевичу, заведующему нейрохирургическим отделением №3 Городской клинической больницы №7;

Пашкину Владимиру Алексеевичу, нашему лечащему врачу-нейрохирургу, который сделал Аняте несколько операций;

Масленникову Анатолию Всеволодовичу, врачу-нейрохирургу, который удалил Аняте гематому в 3-летнем возрасте;

Главатских Ларисе Вячеславовне, прекрасному врачу-невропатологу, которая работала в ГКБ №7, а сейчас работает в 1-й Республиканской клинической больнице, которую я до сих пор рекомендую всем, кому надо подлечить нервную систему и которая вылечила от инсульта моего свекра, которого все врачи считали уже безнадежным;

Сабировой Галине Демьяновне, нашему лечащему врачу-невропатологу, которая наблюдала нас с рождения и направила нас в 4-месячном возрасте в «Нейрон», детский центр по лечению нервно-психических заболеваний, благодаря чему мы успели вовремя сделать нашу первую операцию и познакомилась с Дерюшевой Любовью Ипполитовной, нашим лечащим доктором в «Нейроне».

Я благодарна всем медсестрам и санитаркам нейрохирургического отделения №3, многих из которых я уже не помню по именам, но кого помню, перечислю поименно – Татьяне Владимировне, Максимовой Наташе, Никоновой Тане, Ираиде, Гале и Римме (к сожалению, не знаю их отчество или фамилий), которые были всегда внимательны и заботливы по отношению к моей дочери.

Я благодарна воспитателям детского сада №164 – Галине Григорьевне и Светлане Анатольевне, которые не побоялись воспитывать в обычном детском саду ребенка-инвалида.

Я благодарна первой учительнице Аняты, Воронцовой Ларисе Петровне, и ее классному руководителю и учителю математики Холзаковой Зюльфии Мансуровне.

Я благодарна директору Белава Ричарду Яновичу и учителям детской музыкальной школы №3 – Павловой Елене Васильевне, Татьяне Аркадьевне, Лилии Раифовне, Любове Вениаминовне, Татьяне Григорьевне и другим, которых я не знаю по имени и фамилии, – за то, что они привили моей дочери любовь к музыке до такой степени, что она решила ее сделать своей профессией.

Я благодарна Воеводскому Сергею Николаевичу, что он поверил в силы моей дочери и взялся ее учить новому для нее музыкальному инструменту – кларнету.

Возможно, я кого-то забыла и не перечислила в этом списке, но знайте, что в глубине души я всегда благодарна вам.

А еще я очень благодарна Богу, ведь все, что делается, делается по воле божьей, и без его воли и книги бы этой у меня сейчас не было.

И еще – Бог никогда не посылает испытаний сильнее, чем мы можем вынести, а это значит, что это испытание – быть матерью ребенка-инвалида и воспитать дочку – было мне по силам.

Газета «Вырастай-ка» с моим письмом и фотографией Саши и Вани

Глава 1. Рождение, или Как все начиналось

Моя дочь могла даже не быть зачата. В принципе, она вообще не должна была появиться на белый свет, потому что у меня стояла спираль, противозачаточное средство. Но вопреки всему, она не помогла. Видимо, Аняте очень надо было родиться и родиться именно в нашей семье.

Идем дальше. У меня, несмотря на мою беременность (о которой я тогда, разумеется, не знала), продолжались обычные для каждой нормальной и здоровой женщины критические дни. И ничего не предвещало, как говорится. И уже потом на УЗИ, которое мне назначили уже не помню по какой причине, выяснилось, что я беременна.

Насчет аборта я была настроена решительно – ни за что! Единственное, что пугало, так это то, что стоит спираль, как будет развиваться ребенок, мне было абсолютно непонятно. Но врачи, которым я тогда еще слепо верила, убедили меня в том, что все будет хорошо.

Эх, знать бы заранее, что с нами будет в жизни. Скольких ошибок удалось бы избежать, сколько всего можно было бы сделать по-другому. Тем не менее, все это опыт, который никак не приобрести больше, кроме как ценой собственных ошибок. Это не значит, что я пошла бы тогда и сделала аборт, нет. Все было бы точно так же – я стала бы рожать. Но я относилась бы ко многим вещам в жизни сейчас гораздо проще, чем тогда.

А еще Анята могла умереть при родах. Это было очевидно. Спираль-то ведь стояла до самых родов... И при извлечении спирали можно было, разумеется, повредить что-нибудь ребенку. К счастью, этого не случилось. Зато случилось много всего другого.

Во-первых, родилась наша дочь недоношенной, раньше времени, 31—32 недели, то есть примерно два месяца я ее не доносила. Вес малышки был всего 1338 граммов. Вот как? Как я не боялась брать ее на руки? Сейчас, оглядываясь назад, понимаю, что если бы это был мой первый ребенок, то я бы вообще запаниковала. Хотя Ваня, старший брат Аняты, тоже родился немного раньше своего срока, в 37 недель, вес у него все же был целых 2850 граммов, это в два с лишним раза больше!

Во-вторых, мне сразу же, еще в роддоме, сказали, что у девочки проблемы с головным мозгом – очень большая голова, есть подозрение на водянку и нужно делать УЗИ мозга или нейросонографию. У младенцев это делается через ещё не заросший родничок.

Во время рождения Аняты я сумела побывать сразу в двух роддомах.

– Как это у тебя получилось? – спросите вы. Сейчас расскажу.

Сначала мой муж меня привез в 5-й роддом, что находится по месту жительства. И до того, как он меня туда привез, в принципе, со здоровьем у меня все было достаточно хорошо. Точно так же было все и во время первой беременности, с Ваней. В начале беременности я не чувствовала вообще никаких проблем со здоровьем – ни токсикоза, ни какого-то особого желания съесть те или иные продукты, которое так часто возникает у беременных, что порой им ночью хочется персиков или мороженого, а через пару часов – соленых огурцов и пива. Все это знаю только понаслышке, ни разу ничего такого у меня не было.

Зато к концу обеих беременностей начинались проблемы с отеками, повышалось давление, и меня клали в роддом на сохранение. И оба раза выходила я оттуда уже с детьми. С Ваней все это было в меньшей степени, с Анютой все было гораздо сложнее, врачи в 5-м роддоме провели всю необходимую в таких случаях терапию для снижения давления и... испугались... Испугались последствий. И быстренько договорились с соседним 7-м республиканским роддомом, чтобы меня взяли туда. Объяснив это тем, что там детская реанимация лучше. Уже тогда я заподозрила что-то неладное.

Надо сказать, что мы с мужем вообще планировали рожать второго ребенка вместе, как это было с Ваней. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю эти роды, помню все, как сейчас – как начались схватки, как муж меня успокаивал, как просто был рядом – и этого было достаточно, чтобы мне было спокойно. Да и отношение медицинского персонала совсем другое, когда на родах присутствует мужчина.

Если думаете и решаете, рожать ли вместе с мужем, мое мнение на этот счет однозначное: да, рожать. Это дорогого стоит. Это надо видеть – счастливые глаза новоиспеченного папы, держащего на руках своего сына.

Жаль, что с Анютой все было не так. Да, мы собирались, но нам не разрешили рожать вместе, потому что, как мне объяснили врачи перед родами: «Не будем знать, кого из вас троих спасти – то ли Вас, то ли вашего мужа, то ли ребенка». Кстати, мы до конца не знали, кто у нас будет, мальчик или девочка: нам это было абсолютно не важно. Лишь бы родился здоровым, не важно, кто. Если бы мы знали заранее, что нас ждет.

Родилась наша Анютка – помню только огромную голову и малюсенькие, тоненькие ручки-ножки, толщиной с мой палец, даже не с палец взрослого мужчины. Как сказал потом, уже позже, мой свекор: «Были бы кости, а мясо нарастет». Так и вышло. Кости были, а вот кроме костей была, к сожалению, еще и вода. Вода в голове.

«Водянка мозга» – этот страшный диагноз я впервые услышала в роддоме. Сообщил мне его врач-педиатр из детской реанимации, куда после родов сразу попала Анюта. А вообще мне сказали, что если бы это был мой первый ребенок, то я рожала бы через кесарево сечение, потому что давление мое в родах зашкаливало до 220. Представляете, каково было моей дочери от такого моего давления? При этом я абсолютно его не чувствовала, свое высокое давление. Так было и во время первых родов, только тогда давление было гораздо ниже и поднималось всего лишь до 140—150 максимум.

Помню, как пришел в роддом муж. Как всеми правдами и неправдами прошел в реанимацию (никого туда не пускали). Каким-то чудом он где-то раздобыл халат и просто взял и зашел туда, чтобы увидеть дочку.

«Вот только бабушек ваших нам здесь точно не надо – сказали в реанимации. – Они точно в обморок упадут от такого зрелища.» Муж держался молодцом, даже виду не подал, что ему больно. Я так не могла. Я ревела почти все время. И постоянно задавала себе вопрос «За что?» Это только потом я поняла, что задавать такой вопрос бесполезно, лучше спрашивать, для чего мне вся эта ситуация? Что я должна понять, благодаря ей?

Плохо помню, что меня окружало, потому что все мысли были только о дочке. Зато очень хорошо помню, что погода 9 октября была солнечная и как раз выпал первый снежок, был легкий морозец, такой же, как сегодня, когда я пишу эти строки. Только прошло уже больше 17 лет, но точно так же светит солнышко, точно так же падают снежинки, точно так же рождаются дети, точно так же ставятся диагнозы, страшные и не очень. А это значит, что жизнь продолжается.

Персонал в седьмом роддоме был очень хороший. Соседок своих по палате не помню, зато хорошо помню, как приехали из Перми мама и брат. Мне стало хоть чуть-чуть, но полегче, когда приехала мама. Все-таки поддержка близкого человека очень много значит в трудную минуту.

Когда я увидела Анюту впервые, честно, мне хотелось плакать, и я плакала. Это потом уже, когда она находилась в реанимации 4-й городской детской больницы (о ней я еще расскажу отдельно), я поняла, что плакать ни в коем случае нельзя, все это отражается на состоянии ребёнка. Вечером я сцеживала молоко на ночь и уезжала домой, а дома плакала всю ночь, приезжала снова в реанимацию с опухшими от слез глазами и мне говорили, что дочери стало хуже. Вот такая незримая связь матери и ребенка.

Когда родилась Анютка, я подумала, что всё – моя жизнь кончена. Ребёнок-инвалид, водянка головного мозга, гидроцефалия, желудочки головного мозга – третий, четвертый... и прочее, и прочее... Слова сыпались как из рога изобилия и напрягали мой мозг. Потому что у моей дочери мозга практически не было. Он состоял из воды более чем наполовину. Сначала чуть меньше, потом вода всё прибывала и прибывала, как будто хотела совсем утопить мозг моей дочери и меня – в своей печали. Грустно – не то слово.

Я плакала днём и ночью. И конечно же, ребёнок всё это чувствовал, когда я приходила в реанимацию 7 роддома, мне каждый раз сообщали, что дочери всё хуже и хуже. Жидкости в голове – всё больше и больше.

Наконец, опасность для жизни, видимо, миновала и нас перевели вместе во 2-ю городскую больницу – «выпариваться», потому что я родила маленький комочек. 1338 г веса, зато целых 43 см роста.

Анютка не случайно родилась именно в нашей семье – её к нам тоже определили высшие силы – и я так благодарна им за это сейчас. А как я проклинала их и Бога – когда она родилась. Считала, что всё: карьера загублена, жизнь закончена, всё разрушено. «Зачем мне этот ребёнок?» – спрашивала я себя, и только сейчас понимаю, зачем мне это было дано.

Перед первой операцией на головном мозге мы находились в «Нейроне». Это такой центр по лечению заболеваний нервной системы и психики у детей. Именно оттуда нас с Анютой впервые свозили в 1-ю Республиканскую клиническую больницу, чтобы сделать компьютерную томографию мозга. После чего в «Нейрон» специально для нас был приглашен специалист – нейрохирург Пашкин Владимир Алексеевич. Он расстроил меня так, что я снова начала плакать и днем, и ночью.

– Видите вот эти черные пятна на снимке?

– Да, вижу.

– Это вода, вернее, ликвор, спинно-мозговая жидкость. Ее в мозге вашей дочери больше половины всего объема мозга. Срочно нужна операция, иначе ребенок ослепнет, потому что жидкость начнет давить на мозг, как раз на те участки, которые отвечают за зрение.

Я фанатично начала проверять, видит ли дочка, поднося к ее глазам игрушки, водя ими из стороны в сторону. Не знаю, что уж там она про меня думала, если в пять месяцев уже что-то соображала.

А потом нас перевезли в нейрохирургию, где и была сделана первая операция. Было это 22 марта 2000 года. После операции Аняте стало гораздо легче, это было видно по ее поведению – она почти перестала плакать, а до операции ревела почти постоянно, видимо, настолько ей было больно. Похоже, что жидкость действительно перестала давить на мозг.

Второй раз мы попали в 7-ю медсанчасть и нейрохирургию уже в апреле, потом в мае – стала периодически вздуваться небольшая такая шишка в том месте, где на голове шунт. Первый раз, в апреле, по-моему, всего два дня полежали, а вот в мае уже было всё достаточно серьезно. Плюс к тому – мне всё время надо было ездить на разного рода консультации. Ну и стала ездить, бросать институт всё же мне не хотелось. Оставалась с дочкой моя мама или свекровь.

Затем следующий этап – легли осенью в больницу с Аняткой. Это был сентябрь, а может, конец августа. Тогда она уже вставать немного пыталась и ползала. А у неё в голове – бутылка, а из этой бутылки – трубочка торчит, а трубочка стоит в голове, и капает по ней ликвор (так называется спинномозговая жидкость), и когда дочка встает на коленки и начинает ползать по кровати, начинает она капать сильнее. А Анята как раз начинала вставать. В общем, глаз да глаз за ней был, за Аняткой, в этом возрасте. Того и гляди, ещё с кровати упадёт, только отвернёшься.

Один год – помню плохо, если честно. Зато помню ярко-синий костюмчик со слоником на Аняте и ещё то, что она начала к 1 году вставать в кроватке – появились шансы на то, что мой ребёнок будет ходить вопреки прогнозам всех врачей и невропатологов. И да, позже она пошла – точную дату не помню – примерно в 1 год 5 месяцев.

«Убитым хочется дышать.
Я был убит однажды горем
И не забыл, как спазмы в горле
Дыханью начали мешать.
Убитым хочется дышать.
Лежат бойцы в земле глубоко,
И тяжело им ощущать
Утрату выдоха и вдоха.
Глоточек воздуха бы им
На все их роты, все их части,
Они бы плакали над ним,
Они бы умерли от счастья!»

Эти стихи Алексея Решетова из его синенького, небольшого формата, сборника стихов «Чаша», который был дома у моих родителей, крутились у меня в голове постоянно, когда я родила Анюту. Мое состояние после того, как мне сказали диагноз моей дочери, было, наверное, похожим на состояние этих убитых, которым хочется дышать, а воздуха нет, его не хватает.

Когда мы лежали в нейрохирургии в очередной раз, Аняте было то ли 10, то ли 11 месяцев, и она наотрез отказалась брать грудь. «Хорошо, – подумала я. – Значит, пришло время.»

Она просто сама отказалась – и всё тут! Почему – не знаю, до сих пор не поняла... Ну такой вот самостоятельный ребёнок у меня...

А как она училась сосать из груди, это вообще достойно того, чтобы об этом написать отдельно.

Когда после 7-го роддома и реанимации 4-й городской детской больницы нас перевели в отдельную палату на двух мам и двух недоношенных детей, Анюту и Виталика, нашего соседа по палате, кормили сначала с помощью зонда, который вводили в пищевод – зрелище, мягко говоря, не для слабонервных... Еще был шприц, не помню уже, раньше или позже зонда, скорее позже, и только уже потом дали бутылку, предупредив, что дети, сосущие из соски, грудь потом ни за что не возьмут.

«Ну, это мы еще посмотрим», – подумала я, и задалась целью научить Анюту сосать молоко из груди, а не из бутылки. Да, было сложно, но в итоге все получилось. Поголодав немного, Анята начала сосать грудь! И это была пусть маленькая, но уже победа! Потому что мне же обещали, что грудь моя дочь после соски сосать не будет.

Отдельно хочется сказать о врачах. Наверное, это удивительно, но ни одного имени и фамилии доктора из 4 городской детской больницы я не помню... Да, наверное, можно было посмотреть их фамилии в выписках из больницы, можно было бы как-то их найти, если бы захотелось, но нет ни малейшего желания... Столько негатива про своего ребенка я, пожалуй, не выслушала потом ни в одной больнице или поликлинике...

Началось все с доктора в реанимации. Мне не разрешали там оставаться с дочерью на ночь, поэтому рано утром я приезжала, а вечером, съев достаточную порцию молока, из которой моей дочери достаточно было пары капель, я возвращалась домой. И только там я давала волю своим слезам. Как потом оказалось, абсолютно зря. Именно тогда я узнала о незримой связи матери и ребенка, которая есть всегда, хочешь ты этого или нет, потому что, когда я утром возвращалась в реанимацию, я слышала: «Вашей дочери стало хуже...» и еще, до слез обидное: «Наверное, папа плохо накузничил». Муж мой тогда работал кузнецом на заводе «Буммаш», и в карте Аняты была об этом соответствующая запись.

Мне так хотелось плюнуть в лицо этому доктору, так хотелось его стукнуть, да хотя бы закричать в конце концов! Но я не делала ни первого, ни второго, ни третьего. Я молча носила все в себе... Я тогда еще не знала, насколько вредно сдерживать эмоции, я не умела с ними работать.

Это сейчас бы я выписала весь негатив на бумагу и сожгла потом ее или выбросила в унитаз, порвав на мелкие кусочки. Это сейчас я бы написала письмо тому доктору, не стесняясь

в выражениях, я бы выписала все свои чувства на бумагу, но тогда я этого, увы, не знала, все приходит к нам с опытом, чаще всего негативным.

Вот так мы лежали с Анютой в 4-й городской больнице, набирая вес – осень 1999 года

Глава 2. Гематома

18 декабря 2002 года – я запомнила почему-то эту дату на всю жизнь.

В этот день мы снова попали в нейрохиргию. Только не с нашей водянкой мозга, с диагнозом, к которому мы уже привыкли, не скажу, что смирились, а просто уже научились с этим жить, а совершенно с другим заболеванием – неожиданно у Анюты обнаружилась гематома мозга. Откуда она взялась – одному Богу известно. Ведь нам не дается испытаний сильнее, чем мы можем вынести. Все дается нам по нашим силам, значит, так тому и быть.

Муж в то время очень много ездил по командировкам, он объехал всю Россию, занимаясь грузоперевозками на своем пикапе. Детей он почти не видел, но, возвращаясь из поездок, всегда привозил им подарки. И они очень ждали возвращения папы. В эту ночь, с 17 на 18 декабря 2002 года, его тоже не было дома, я была одна с двумя детьми.

Ночью неожиданно Анюте стало плохо и начало ее тошнить. Я уже знала, что любая тошнота и рвота в нашем случае – это почти всегда из-за проблем с головой, а не с желудком, как это бывает у обычных людей. Я, вместо того, чтобы вызвать скорую, дождалась до утра, все надеясь, что, может быть, все рассосётся само собой. Честно говоря, не знаю, на что я надеялась... Ведь в глубине души я уже понимала, что, скорее всего, придется ехать в нейрохиргию.

Каждый раз, когда у Анюты начинались какие-нибудь неприятности, связанные с нашим заболеванием – гидроцефалией, у меня начинался страх, что опять надо ехать в эту ненавистную уже больницу, снова те же условия – никакого сервиса, ни душа, ни нормальной еды, ни отдельной кровати. Никаких условий ни для матерей, ни для детей. Это сейчас всё по-другому, детей уже в этой больнице не лечат, только взрослых, начиная с 18 лет. А тогда все в стационаре лежали вместе – и матери с грудными детьми, и дети школьного возраста, одни, без мам, и взрослые – мужчины и женщины. Но надо – значит надо. И никуда не денешься – едешь. И живешь в этих условиях, и ешь эту еду, и смотришь на изученные уже тобой до мельчайшей царапины стены.

А как-то раз мы находились в палате с настоящей женщиной-бомжом.

И было это довольно неприятно. Она ходила в туалет под себя. Запах был соответствующий. Санитарки не всегда вовремя успевали убирать за ней, у них было много и другой работы. Ее некуда было отправить из этой больницы, и она лежала и лежала. От нее устали уже все медсестры и все санитарки.

А особенно устали мы, лежащие с ней рядом.

Но вернемся к утру 18 декабря.

За ночь ничего не изменилось. Анюту все так же рвало. И опять, вместо того чтобы вызвать скорую, я одела детей, и мы на санках отправились в детский сад, чтобы оставить там Ваню. Аня тогда в детский сад еще не ходила, несмотря на то, что ей уже было три года.

Затем я сделала очередную глупость. Отведя Ваню в детский сад, мы дошли до остановки общественного транспорта, сели в битком набитый автобус номер 19 и отправились на нем в нейрохиргию.

В автобусе мы случайно встретили нашего детского врача-невролога, Сабирову Галину Демьяновну, и только она открыла мне глаза на то, что я делаю.

– Надо было скорую вызывать, – сказала она. – Зачем же вы на автобусе едете с больным ребенком?

А действительно, зачем? И только тут до меня дошло, что можно было сделать это еще ночью. Но опять же – куда тогда я бы дела Ваню? Ведь он тогда тоже был еще маленький – всего 5 лет, и одного его еще оставлять было нельзя. Он и так рос достаточно самостоятельным мальчиком, но не до такой же степени.

Больше всех в тот момент нас насмешил наш нейрохирург, заведующий отделением Тройников Владимир Георгиевич, когда мы оказались уже в больнице.

– Что, на санках будем кататься? Ну давайте, – с улыбкой сказал он, увидев нас.

Возможно, он таким образом хотел меня развеселить, не знаю. Видимо, вид у меня был недостаточно веселый, а Анюту тошнило все время, у меня уже закончились все носовые платки, взятые с собой.

– Давайте будем делать томографию. Ребенок что-нибудь ел сегодня? – спросил Тройников.

– Какое там ел... Разумеется, нет, – ответила я. И нас отправили на первый этаж, где располагалось отделение диагностики.

Я очень нервничала, ожидая Анюту в коридоре. Пока она была маленькая и спокойно лежать во время исследования на томографе не могла, там надо лежать неподвижно, а как может без движения лежать ребенок в возрасте до трех лет? Да никак вы его не заставите так лежать, даже за все блага мира! И к сожалению, дочери кололи наркоз. Называлось это лекарство, которое кололи, атропин, и когда его использовали впервые, половина Анютинога лица покраснела, я испугалась, это действительно было страшно.

Впоследствии оказалось, что такова была аллергическая реакция организма. Ничего страшного. В следующий раз я уже боялась гораздо меньше.

Ожидая дочь с томографа, я нервно ходила вдоль коридора туда и обратно, чтобы хоть как-то скоротать время. Молиться я тогда совсем не умела, а то, наверное, читала бы наизусть все молитвы, которые знаю.

И вот, наконец-то! Открывается дверь, и я с надеждой и радостью в нее заглядываю. И вижу по лицам врачей-диагностов, что что-то все же не так. Вскоре раздается: «Срочно брить голову и готовить к операции!» Мои чувства словами не описать. Я в ужасе. Мне страшно. Одна лишь успокоительная мысль мелькает в моей голове, скорее всего, это от страха: «Все-таки хорошо, что она ничего не ела.»

Ее бреют и увозят на третий этаж, в операционный блок. А я остаюсь. И решаю, что чем поддаваться упадническому настроению здесь, есть смысл съездить домой за вещами, все равно я здесь ничем дочке не помогу, а ехать за вещами все равно надо самой, никто мне их не довезет – муж в командировке.

Я не помню, были ли тогда уже мобильные телефоны, но у меня примерно в это время – в 2002—2003 годах появилась простенькая «Моторола», стоящая при этом столько, что сейчас за эти деньги можно уже купить вполне приличный смартфон.

Каким-то образом я все же сделала два звонка, возможно, из дома, возможно, в больнице разрешили позвонить. Один звонок – свекрови, чтобы забрала Ваню из садика к себе, второй – на работу.

Я успела поработать в этом месте, дизайнером по шкафам-купе и мебели, около шести месяцев. И после этого случая с гематомой я оттуда уволилась, мы с мужем решили, что мне лучше находиться какое-то время дома, с ребенком.

Но здесь важно было сообщить, чтобы меня не искали. Все мои работодатели всегда лояльно относились ко мне как к матери ребенка-инвалида, а также к тому, что мы время от времени ложимся в стационары, ездим в санатории, ходим медицинские обследования и комиссии.

Для чего я работала? Да для того, чтобы не закиснуть и не отупеть дома. Да, дома всегда можно найти чем заняться, это действительно так.

Да, работающей матери трудно выделять время для того, чтобы заниматься с ребенком, это тоже так. Но. Есть одно большое «но» – и я буду стоять на этом всегда. Работающая мать успевает гораздо больше, чем мать-домохозяйка.

Она лучше распределяет время и имеющиеся ресурсы. Она умеет делегировать домашние дела – мужу и старшим детям, если они есть.

Она выходит в люди, она не тупеет, находясь дома.

Операция по удалению гематомы прошла успешно, но к Анюте в реанимацию меня не пустили, сославшись на то, что она уже не грудная и ей три года. Медсестра Татьяна Владимировна, дежурившая в ту смену, видя, как я нервничаю, спросила: «Оля, может, накапать тебе валерьянки?» Я согласилась. А потом, видимо, немного успокоившись, пошла в ординаторскую к Масленникову Анатолию Всеволодовичу, который делал операцию и все-таки уговорила его, чтобы меня пустили в реанимацию к дочери.

– Хорошо, пойдем со мной. Мне как раз туда надо, чтобы осмотреть еще одного больного. Заодно и твою дочку проверим.

В реанимации было очень холодно, все-таки декабрь на дворе. Аня спала, она еще не отошла от наркоза. Мне разрешили остаться там на ночь, на соседней кровати. А утром пришла невропатолог Лариса Вячеславовна, осмотрела Анюту, сказала, что все в норме и можно поднимать ее на пятый этаж, обратно в отделение. То же самое подтвердили и нейрохирурги.

Я думала, что придется встретить Новый год в больнице и была уже к этому морально готова. Не очень хотелось, правда, ведь есть такая поговорка: «Как Новый год встретишь, так его и проведешь». Но, к моему удивлению, Аня настолько быстро пошла на поправку, что 30 декабря ей сняли швы, хотя должны были снять 31 числа. А 31 декабря Анатолий Всеволодович отпустил нас домой и даже разрешил пойти на мероприятия в начале января, на которые я заранее покупала билеты, при условии, что Аня будет хорошо себя чувствовать.

Я переживала, что же я поставлю на новогодний стол, на что мудрая Татьяна Владимировна сказала мне: «Не переживай, уж пельменей-то всегда в магазине купишь, колбасы нарежешь и сделаешь оливье, зато будешь дома встречать Новый год, а не в стационаре».

И она была абсолютно права. Наши соседи по палате – Лена и ее сын, ровесник Анюты, не помню уже, как звали мальчика, остались 31 декабря в больнице. У ребенка была злокачественная опухоль головного мозга, я так и не знаю, как сложилась их судьба дальше, к сожалению, или к счастью, в стационарах мы с ними больше не встретились. А сколько еще детей разного возраста с таким же диагнозом мы видели. Скорее всего, судьба их была предрешена.

Рисунок, нарисованный мной простым карандашом прямо на листе в клеточку в 4-й городской больнице – по мотивам книги Масару Ибука «После трех уже поздно»

Глава 3. Детский сад

Когда Анюте исполнилось почти 4 года, мы с мужем решили, что пора бы отдать ее в детский сад. Страшно ли нам было? Разумеется. Гораздо страшнее, чем тогда, когда в возрасте двух с небольшим лет в детский сад пошел Ваня.

Но мы рассудили так, что ребенку нужен коллектив, и решили, что пойдет Анюта в тот же детский сад, что и Ваня. А когда-то давно, много лет назад, в этот же садик ходил и папа Вани и Анюты, мой муж.

Хорошо помню свои ощущения, когда я впервые оставила свою дочь, по-моему, всего на час, максимум на два. Я не знала, что мне делать и куда идти. Все мысли крутились вокруг ее пребывания в детском саду – не ушиблась ли? Не стукнулась ли? Не обидел ли кто ее?

Хотя на дворе был август-месяц, прекрасная пора, было тепло, и дети с воспитательницей гуляли на улице. А я металась. То ли вернуться? То ли пойти погулять? Может, пойти обратно домой? Я правда не знала, что мне делать.

Через полтора-два часа, когда я подходила к детскому саду, сердце мое ёкало от страха и бешено колотилось. Как она там? Наверное, точно так же оно каждый раз билось, когда Анюте делали очередную операцию. Подхожу к воротам детского сада и вижу, что все хорошо, Анюта, радостная, бежит мне навстречу – ей очень понравилось в детском саду.

Привыкла она очень легко – воспитатели потом в пример ставили мою дочь, которая без проблем адаптировалась к новым для нее условиям. Несмотря на то, что адаптировалась Анюта к детскому саду очень хорошо, даже легче, чем Ваня, болела она все равно достаточно много, как и все дети, только начинающие посещать детские дошкольные учреждения. А нам этого с нашим заболеванием не очень хотелось, конечно.

Апрель 2004 года принес нам новые проблемы и новые пути и способы их решения. Было такое ощущение, что все, что могло случиться плохого, сконцентрировалось в одном месте и в одно и то же время.

Сначала серьезно заболел свекор. Ему было тогда 56 лет, он много лет проработал сварщиком на заводе «Буммаш», там же, где начинал свой трудовой путь и мой муж. Вернее, мой муж начал работать кузнецом на заводе именно потому, что там работали его мама и папа.

Естественно, Сергей Михайлович имел право выйти на пенсию раньше положенного по закону возраста. И работал он тогда, после того, как вышел на пенсию, дворником на пивзаводе. Казалось бы, труд на свежем воздухе полезен для здоровья. Но неожиданно однажды утром ему стало плохо, он упал в туалете, и свекровь вызвала скорую. Оказалось, что это инсульт, и бывает он часто как раз у мужчин такого возраста.

Лечили свёкра совсем не от того инсульта, который у него был. Он бывает двух видов – геморрагический и ишемический. Лечение и в том, и в другом случае абсолютно противоположное. Я уже не помню сейчас точно, какой инсульт был у свёкра, но лечили его совсем не от того инсульта и в итоге сказали: «Забирайте и ждите».

– Куда забирать? Чего ждать? – недоумевали все мы.

– Ну как чего? Либо умрет, либо выживет. Мы сделали все, что было в наших силах, больше ничего сделать не можем, – отвечали нам врачи.

Примерно в это же самое время, чуть раньше или чуть позже, я не помню сейчас точную хронологию событий, для того, чтобы передать их суть, это абсолютно не важно – мы с Анютой снова попали в нейрохиргию, на этот раз – с гайморитом. Но это выяснилось позже.

А тогда я шла по городу, от нейрохирургии в 7-й медсанчасти пешком к себе домой и мне было так плохо. Я шла и плакала – о несправедливости жизни, о том, что мне плохо, я шла и себя жалела. Я уже не помню, почему меня тогда не оставили в больнице с дочкой, скорее всего, мы снова попали спонтанно, и я шла домой за нашими вещами. Почему ночью? Не знаю. Но мне в этот момент очень хотелось побыть именно одной, наедине с самой собой, мне было очень важно это и нужно. А то, что со мной точно ничего плохого не случится по дороге домой, это я откуда-то знала.

И вот начались такие будни у Вани с Сашей – они ездили из больницы в больницу, благо, эти медицинские учреждения были расположены не слишком далеко от нашего дома.

Когда деда (свёкра) выписали из больницы помирать, моя свекровь вдруг обратилась ко мне и сказала: «У тебя ведь много хороших знакомых врачей в нейрохирургии, может, найдётся какой-нибудь хороший невропатолог?»

И невропатолог, действительно, нашёлся, Лариса Вячеславовна, которая ясно дала понять, что если мы не будем (читай – не сможем по финансовым причинам) покупать те дорогие лекарства, которые она будет назначать, то она за результат не ручается. Мы, разумеется, сказали, что будем покупать все, что она скажет.

Дед восстанавливался тяжело. Лежал, как овощ, и ничегошеньки не соображал!

Не помню уже даже, откуда, но откуда-то вдруг с биодобавкой «Биоланом» и другой продукцией «Счастья Жизни» возникла женщина, которая нам всю эту продукцию и посоветовала, сказав, что результат обязательно будет. Так и случилось. Стали давать деду и «Счастье жизни» тоже.

Самое удивительное, что заговорил он первый раз не у свекрови или Татьяны, Сашиной сестры, а у меня. Я сама была в шоке. Кормила его с ложечки кашей и вдруг он что-то сказал. По-моему, это было слово «ещё», да сейчас это уже и не важно. Главное, что после этого первого осознанно сказанного слова Сергей Михайлович пошел на поправку и практически полностью восстановился.

Когда Лариса Вячеславовна увидела его, делающего свои робкие, несмелые первые шаги с палочкой после долгого пребывания в горизонтальном положении, она была очень удивлена и сказала:

– Ну вы, Ивановы, даете. Сильная семья. Сначала ребенка на ноги поставили, теперь вот деда.

Действительно, про то, как наш дед исцелился от инсульта и из овоща превратился в абсолютно адекватного, нормального человека, в пору написать отдельную книгу, но это уже совсем другая история.

После того, как Аня побывала в стационаре с гайморитом, воспитатели в детском саду очень настороженно отнеслись к тому, что она вернулась, переживали, боялись принять ее обратно, даже потребовали справку о том, что ей можно посещать детский садик. Мне пришлось поехать в стационар, наш лечащий врач, Пашкин Владимир Алексеевич, прямо на выписке написал синей шариковой ручкой о том, что Аня пребывает в детском дошкольном учреждении не противопоказано. У меня до сих пор сохранилась эта выписка. Только после того, как я ее принесла в детский сад, воспитатели успокоились и перестали переживать.

Аня летом 2004 года

Глава 4. В первый раз – в первый класс

Вообще, я всегда была за то, чтобы Аня считала себя нормальным ребенком. Она училась до 9 класса в обычной средней школе, в обыкновенном классе. Правда, пошла она в школу чуть позже, но так поступают и родители многих здоровых детей – отдают ребенка, родившегося осенью, в октябре или ноябре, в школу не со своим возрастом, а на год позже, то есть не в 7 лет, а в 8. В сентябре такому ребенку еще семь лет, как и всем, а через месяц-два он становится старше своих одноклассников почти на целый год.

В школе подруг у Ани сначала не было. Но к окончанию школы их было много везде – и в музыкальной школе, и в общеобразовательной. Когда мы начали задумываться о школе и о том, в какую школу отдавать Аню и когда – в 7 лет или в 8, мы, посоветовавшись с мужем, единодушно решили, что, во-первых, отдадим ее на год позже, она у нас родилась в октябре, ну вот и пойдет в школу в 7 лет, а через месяц ей исполнится 8.

Кроме того, во-вторых мы решили, что отдавать будем в обычную школу, в ту, где уже учился Ваня. Теперь встал вопрос о том, к какой учительнице отдавать дочку. Мы пошли на курсы подготовки к школе, занятия проходили в этом же здании школы, только по вечерам и по выходным дням с утра. Мне там очень нравилась одна учительница, Лариса Петровна, она была в меру строгая, но знания давала очень хорошие, все о ней отзывались положительно. У нас в «Гулливере», так называлась школа для малышей, она преподавала русский язык.

Весной состоялось собрание, на котором были представлены учителя будущих первоклассников и программы, по которым они будут преподавать. Наша будущая учительница, Лариса Петровна, брала класс по более сложной программе «Школа 2100». Честно говоря, страшновато было отдавать Аню учиться по более сложной программе, но мы с мужем рассудили так – в класс попроще всегда можно перейти.

Так и решили сделать. Но оказалось, что в класс Ларисы Петровны попасть было очень сложно, у нее хотели учиться буквально все. А если еще учесть, что школа, в которой мы хотели учиться, не относилась к нам по месту жительства, то попасть в нее становилось практически не реально. Но все получилось.

Мне опять повезло. В день, когда записывали в школу будущих первоклассников, я, едва зайдя в вестибюль, увидела огромную очередь, начинающуюся прямо от дверей. Поняла, что шансов записаться в нужный класс очень мало. И вдруг увидела близко к началу очереди свою очень хорошую знакомую, с которой мы жили в одном общежитии во время учебы в университете, только она жила этажом ниже и училась не на худграфе или дизайне, а на спортфаке. Но Аня, так звали мою знакомую, очень много времени проводила у нас, в нашей комнате, у нас нашлись с ней общие интересы, мы дружили.

И я очень обрадовалась, ее увидев. И встала к ней в очередь. Все-таки как многое зависит в нашей жизни от Его Величества Случая. Случайное знакомство в общежитии, дети одного возраста (кстати, сейчас Аня и Женя, дочка Анны, продолжают дружить, несмотря на то, что Аня учится уже в музыкальном колледже, а Женя осталась в школе), одна и та же школа и желание попасть к одной и той же учительнице. В общем, если бы не Аня, многих вещей, которые случились в нашей жизни позже, могло бы и не быть.

В первом классе школы, когда все дети начали ходить в кружки и секции – кто на танцы, кто на гимнастику, мы с мужем решили, что Аню тоже стоит куда-нибудь отдать, помимо школы. Разумеется, заниматься танцами нам было нельзя, заниматься гимнастикой – тоже. Оставались музыкальные инструменты.

И здесь меня ждала неожиданность. Я была почти уверена, что Анюта выберет фортепиано или, в крайнем случае, хор. Другие музыкальные инструменты я даже и не рассматривала. А зря, как оказалось позже. Когда мы с Анютой пошли в музыкальную школу выбирать инструмент, она прочитала весь список и уверенно сказала, что хочет играть на флейте.

– Почему именно флейта? – спросила я у дочки.

– Потому что она блестящая и красивая. Я всегда мечтала подержать ее в руках, когда видела, как на ней играет Неля.

Это было такое четкое и ясное, безапелляционное заявление, что я была удивлена.

Дело в том, что музыкальная школа находилась рядом с детским садом, который посещали и Анюта, и Ваня. Девочка из группы Вани, Неля, играла на флейте с четырех лет, именно в этом возрасте родители отдали ее в подготовительный класс музыкальной школы. Дети-музыканты часто приходили в садик с концертами. Анюте больше всего нравилось, как звучит флейта и всегда хотелось подержать ее в руках. Вот так просто объяснялся ее выбор инструмента в музыкальной школе. Оказывается, надо всегда слушать своих детей внимательно и спрашивать, почему они выбрали то или иное.

Удивительно, но сейчас она выбрала музыку в качестве своей будущей профессии. Кто бы мог подумать об этом тогда, в 2007 году, когда мы пришли на первое прослушивание в музыкальную школу, и Татьяна Аркадьевна, наша первая учительница по флейте, сказала, что музыкальный слух со временем разовьётся, и что она берет Анюту к себе в ученицы.

Год 2008 – крайняя на сегодняшний день операция по замене шунтирующей системы. Очень своевременная, как оказалось. Наш лечащий врач-нейрохирург рассказывал мне потом, что та часть шунта, что находилась у Анюты в голове, рассыпалась прямо в руках у нейрохирургов на операционном столе, столько на ней было отложений солей. А что было бы, если бы она рассыпалась в голове у дочки?

Анютка тогда ведь уже училась в школе, закончила 1 класс. Делали операцию 19 июня. Перенесла она её почему-то гораздо тяжелее, чем в младшем возрасте – отходила от наркоза как-то долго и тяжело. А ходить вообще очень долго не могла начать – голова слишком сильно кружилась.

Пройдёт, сделает 1—2 шага – и всё, не может, сил нет. Опять ложится. Плохо ещё и то, что я не могла быть с ней рядом постоянно, будь она неладна – эта треклятая моя работа дизайнером по торговому оборудованию в фирме «Сайн». Это сейчас я бы просто взяла отпуск за свой счёт и договорилась бы о том, чтоб не работать, а находиться рядом с ребёнком всё время. Скорее всего, было бы всё, как с санаторием «Сосновый» в 2011 году, когда я только-только устроилась на новую работу, отпуск был мне еще не положен, а нам с Анютой неожиданно дали льготную путевку. На работе тогда мне выдали ноутбук и флэшку с интернетом – мобильный модем. И спокойненько я работала – и ребёнок был у меня под присмотром.

А тогда, в 2008 году, казалось бы, договорилась с директором о том, что будет у меня свободный график – ан нет: звонки постоянные – а когда ты придёшь, а во сколько ты будешь, как это мы с тобой договорились, что у тебя свободный график?

Тьфу, одним словом – нельзя так себя загонять из-за какой-то там дурацкой работы, просто нельзя! И теперь-то я это хорошо понимаю, а тогда – да, бросала ребёнка на попечение в палате кого-нибудь, или медсестёр или мамы – и на работу. Ладно хоть, машина у меня была, маленькая «Ока» – быстрее получалось всё-таки. А теперь бы я так не стала делать: здоровье ребёнка в 200 раз важнее любой работы, будь она хоть самая-самая лучшая и распрекрасная – не стоит она таких жертв.

Удивительно, но та операция, сделанная в 2008 году, после которой Анюта так долго отходила от наркоза, оказалась очень успешной. После нее мы пока больше ни разу не лежали в стационаре, только ходим туда на обследования каждый год. Раньше ходили чаще, раз в полгода. Шунт стоит почти десять лет и пока в замене не нуждается.

Один из первых концертов на маленькой флейте пикколо – в деревне Тюриково Пермского края – лето 2010 года

Глава 5. Ваня

Первое время, когда Анюта находилась в реанимации 4-й городской детской больницы, я приходила домой только ночевать, а потом, когда нас перевели в отделение для недоношенных детей, я вообще почти 2 месяца находилась не дома.

Ваня все это время, пока мы с Анютой были сначала в роддоме, а потом в больнице, жил у бабушки. Я видела его урывками и очень по нему скучала, а когда удавалось приехать домой хоть ненадолго, все время удивлялась, каким большим кажется мне двухлетний старший сын по сравнению с сестрёнкой, весившей менее полутора килограммов. Он и сейчас гораздо больше Анюты и выше на голову. И это хорошо, что у моей дочери есть старший брат. Она за ним тянется. Так было всегда. И надеюсь, что так и будет дальше.

В детстве, когда наши дети были маленькими, а потом подростками, было даже немного смешно иногда. Когда Анюта слышала, что кто-нибудь из нас – я, муж, бабушки или дедушки – хвалит Ваню за что-нибудь – она всегда спрашивала: «А я?» и надо было обязательно похвалить и ее тоже. С возрастом это прошло, но то, что Ваня сыграл огромную роль в развитии Анюты – это несомненно и даже не обсуждается.

Мне сейчас трудно судить, как бы наш ребенок развивался, если бы он был единственным или старшим в семье. Скорее всего, развивалась бы Анюта гораздо хуже. Кроме того, когда в семье всего лишь один ребенок, как правило, он вырастает эгоистом. С нашими детьми такого не было.

Год 2017. Наши дни.

Вчера, 17 января 2017 года, приехал из Питера Ваня, наш сын. И встречая его на вокзале, я вдруг поняла, что он сыграл большую роль в том, как росла и развивалась Анюта. Это действительно так, потому что ей было за кем тянуться. И очень хорошо, что у нее был, есть и будет старший брат. Даже сейчас, когда они уже взрослые, Анюта все равно не отстает от брата – раз Ваня играет в КВН в университете в Санкт-Петербурге, то и Анюта тоже будет – в колледже в Ижевске. И это хорошо, потому что я считаю, что чем больше занят ребенок – в любом возрасте, тем лучше. И даже взрослых это тоже касается, если человек болтается без дела, то жизнь его однообразна и скучна. И, наоборот, чем больше занят человек, чем больше у него всяких дел, тем лучше. Тем больше он успевает.

Это же касалось всегда и наших детей. Они все время были заняты. А когда Ваня в 12 лет начал играть в театре «Птица», вслед за ним туда пошла и Анюта, а как могло быть иначе?

Я считаю, что театр сыграл огромную роль в становлении наших детей, Вани, и, в особенности, Анюты. Прожив в театре 2 года, она не блистала актерским талантом, но зато она приобрела необходимые для дальнейшей жизни и развития навыки – коммуникабельность, умение постоять за себя, умение найти общий язык с разными людьми. Даже не все здоровые люди, увы, обладают такими навыками, что уж тут говорить о ребенке-инвалиде? Я заметила, что у Анюты сразу появилось много подруг, да и вообще она стала более уверенной в себе. А это важно. И сразу же и музыкальная школа вдруг перестала быть обузой и начала нравиться, а ведь был такой период, когда дочери вообще не хотелось туда ходить. Там появились подруги,

появились они и в общеобразовательной школе, а потом вообще Аня очень легко начала знакомиться и общаться со сверстниками.

Ваня и Аня – осень 2003 года

Аня с Юрой и своими подругами из музыкального колледжа Соней, Аней и Лизой

Глава 6. Люди, встречающиеся на нашем пути, или Про врачей, хороших и не очень и их советы

Всегда удивлялась, еще когда Ваня был новорожденным, как врач и медсестра, придя к нам домой, заставляли будить спящего ребенка и начинали проверять у него шаговый рефлекс. Нас с мужем это всегда сильно изумляло. Как так, взять и разбудить спящего малыша, да еще и заставлять его ходить? Ну что за ерунда? Вот их бы так заставить ходить в полусонном состоянии. А потом ставят всякие диагнозы, говорят, что шаговый рефлекс у ребенка не развит.

С Аней все было очень похоже. Только будить и ходить ее заставляли поначалу не участковые врач-педиатр и медсестра, а невропатолог и педиатр в 4-й городской клинической больнице, где мы лежали с дочкой, пока она набирала вес. И каждый раз вердикт был один и тот же – скорее всего, у ребенка будет ДЦП (детский церебральный паралич), потому что шаговый рефлекс отсутствует. Меня это почему-то не пугало, ко всем нашим диагнозам, поставленным до этого, просто мог добавиться еще один.

По-настоящему я испугалась позже, уже в «Нейроне», где мы лежали в марте 2002 года и вот тогда нам впервые сделали МРТ – снимок головного мозга. И мне стало очень страшно, когда я увидела своими глазами то, что лишь могла предполагать. Я увидела то, что внутри головы у моего ребенка. И это была вода. Вернее, внутричерепная жидкость, ликвор. На снимке это выглядело просто черными дырами. И эти дыры занимали больше половины мозга. Было очень страшно и жутко.

Нейрохирург, которого позвали на консультацию в «Нейрон» специально для нас, еще больше подлил масла в огонь и напугал меня еще сильнее. Он сказал: «Вот, видите, вся эта чернота давит на мозг, в первую очередь все это скажется на зрении, и ваш ребенок может ослепнуть в любой момент, если не сделать сейчас операцию». Именно тогда это жуткое слово «операция» прозвучало впервые.

Как хорошо, что мы порой в жизни заранее не знаем, что нас ждет и не можем подстелить соломку. Если б я узнала откуда-нибудь свыше или могла быть ясновидящей и предположить, сколько этих операций нам предстоит в первый год жизни, что в три года Аня стукнется головой, самым больным своим местом, и получит гематому, и мы снова попадем в нейрохирургию, только уже с новым для нас диагнозом. Если бы я только могла предположить, сколько всего нас ждет впереди. Где тонко, там и рвется.

А тогда в «Нейроне» я не смогла придумать ничего лучше, чем каждые пять минут подносить какой-нибудь предмет к глазам ребенка, чтобы проверить, видит ли она. Я уверена, что уже тогда моя дочь все понимала и, скорее всего, думала, что мама сошла с ума, раз все время совала что-нибудь ей под нос. Мне действительно тогда казалось, что я сошла с ума. Но в «Нейроне» по сравнению с нейрохирургическим отделением №3, где мы вскоре оказались, был просто рай.

В нейрохирургии тогда совсем не было условий для приема детей, особенно новорожденных. В палатах по 5 человек, разных, и детей, и взрослых, все вместе, в одной палате. Плюс еще днем приходили на дневной стационар дети со своими мамами или взрослые. Так было постоянно.

Поскольку детских кроватей не было, нам с Анютой приходилось ютиться на одной, благо, что она была совсем маленькой, да одна она и замерзла бы, потому что по моим ощущениям, было очень холодно, а может быть, это просто был страх. Страх перед будущим.

Медсестры в нейрохирургии думали, что моя дочь только что родилась и ей от силы месяц от роду. А ей было целых пять месяцев, только вот выглядела она гораздо моложе своего возраста. Она и сейчас, в свои почти 18 лет, выглядит лет на 14 в лучшем случае, так что эта способность молодо выглядеть у нее сохранилась.

А весила Аня в тот момент чуть более четырех килограммов. И очень много плакала, видимо, из-за сильных головных болей, потому что сразу после операции она стала плакать гораздо меньше, и ее взгляд стал ясным, а не мутным, как было до этого.

Кроме всего прочего, в нейрохирургии в то время шел ремонт, везде очень сильно пахло краской, было грязно, все время был шум и гам. Но мне было все равно. Даже на еду мне было наплевать, еще со времен 4-й городской больницы, где нас, кормящих мамочек, кормили почти одной тушеной капустой, которую, разумеется, никто из нас не ел, чтобы не навредить своему ребенку, который потом будет мучиться от газов после этой капусты. Мяса не было. Ни там, в той больнице, ни здесь, в нейрохирургии.

Сложные были времена, начало 2000 года. Не было даже необходимых медикаментов, ни шприцов, ни бинтов, не говоря уже о более дорогостоящих лекарствах, которые все мы покупали за свой счет.

Хорошо было только одно – в палаты пропускали родных, особенно после операции, кроме того, родственникам разрешалось ухаживать за послеоперационными больными, только вот условий для этого не было никаких. Хорошо, если какая-нибудь кровать из пяти в палате была свободной, тогда можно было лечь на нее. А чаще всего такой возможности не было, тогда родственники приносили стулья из коридора, ставили их по 3—4 в ряд рядом с кроватью больного и спали на стульях. Либо спали в коридоре, на креслах, но тогда можно и не услышать из палаты, вдруг больному что-нибудь понадобится? В общем, условий никаких.

Все это я описала для того, чтобы был более резкий контраст – с персоналом данной больницы. Столько хороших людей, врачей и медсестер под одной крышей бюджетного муниципального учреждения я, пожалуй, не встречала до этого.

Невропатолог Главатских Лариса Вячеславовна, к которой я обращалась потом не раз, и даже не два, и до сих пор отправляю к ней всех, кто ищет хорошего невропатолога, хотя она уже давным-давно работает в республиканской больнице, но связь с ней до сих пор осталась, она не потеряна.

Именно она скажет через несколько лет такие слова: «Молодцы вы, Ивановы. Какая у вас дружная семья. Сначала поставили на ноги дочку, потом ее деда». Это было, когда она взялась лечить Сашиного отца, Сергея Михайловича, после инсульта, сразу сказав, что если мы не будем выполнять все ее указания и покупать те лекарства, которые она скажет, то результата не будет. Об этой истории я уже рассказывала.

Заведующий нейрохирургическим отделением №3, Тройников Владимир Георгиевич. Человек, которого я очень уважаю. С потрясающим чувством юмора. Чего только стоит один тот случай, когда мы пришли к нему с Анютой за советом, решив поступать в музыкальную школу по классу флейты.

– На чем играть будем? – спросил он.

И когда услышал, что на флейте, снова спросил:

– Что ж вам на фортепиано-то не игралось? – И добавил. – Ладно уж, играйте свою забытую мелодию для флейты, будем наблюдать.

Кто знает, если бы он тогда запретил нам играть на флейте, потому что это все же слишком большая нагрузка для головы и мозга, где бы сейчас была Анюта?

В том, что наша дочь окончила музыкальную школу по классу флейты и поступила в музыкальный колледж по специальности «кларнет», безусловно, есть и его заслуга. Ведь если бы она выбрала другой инструмент, не тот, который ей нравился, возможно, она бы и музыкальную школу не закончила, и не сделала бы музыку своей профессией.

Впервые Владимира Георгиевича я увидела, когда он вернулся из отпуска или какой-то поездки по работе. Наша первая операция была сделана в его отсутствие другими нейрохирургами.

Я помню, когда я увидела Тройникова впервые, меня очень поразили его уверенная походка и пронизательный взгляд. Прошло 17 лет, а ничего не изменилось, такое ощущение, что растет только наша дочь, а Владимир Георгиевич остается прежним, как будто знает какой-то секрет вечной молодости.

Медсестры. Их было много. Они постоянно менялись. Всех их по именам я, разумеется, не помню, но некоторых запомнила. Тех, которые на протяжении 17 лет, что мы наблюдаемся в этой больнице, тоже не меняются и никуда не уходят.

Татьяна Владимировна, бывшая старшая медсестра реанимационного отделения, это сразу чувствуется и по внушительной фигуре, сразу вызывающей уважение, и по голосу, не крикливому, не громкому, но властному и строгому. Поначалу я даже ее немного боялась, до поры до времени. А в душе она очень добрая. Когда Анюте делали операцию в три года, удаляли гематому, я помню, как она меня успокаивала и отпаивала валерьянкой. Помогло.

Медсестра Наташа, абсолютно не меняющаяся на протяжении вот уже многих лет. Очень добрая медсестра Галя, которая сразу располагает к себе одним своим взглядом. Медсестра Таня, с которой мы часто встречались просто где-нибудь на улицах города, абсолютно случайно, и запросто болтали о жизни.

Глава 7. Я

Весна 1997 года. Мы с мужем ждем своего первенца, я очень счастлива, чувствую себя просто замечательно.

И вдруг, неожиданно для меня:

– Оля, Вам надо взять академический отпуск, потому что Вы не сможете учиться с ребенком, это очень сложно, Вы не будете успевать. – Моя преподавательница по проектированию и шрифтоведению, Первина Любовь Ивановна, решила все за меня.

– Как так, Любовь Ивановна? Почему? Зачем мне брать академ? – Я совершенно искренне недоумевала.

К слову сказать, Любовь Ивановна была первой из преподавателей университета, с кем я познакомилась в Ижевске, не считая подготовительных курсов и вступительных экзаменов. Получилось это почти случайно.

Моя одногруппница в училище, Лиля, была единственной, кто еще, кроме меня, поступил в Удмуртский Государственный Университет, правда, не на дизайн, как я, а на художественно-графический факультет.

После окончания художественно-графического училища в Перми мы выбрали самый ближайший к нам город, где было высшее образование по специальности «Дизайн» и поехали покорять Удмуртский Государственный Университет своими знаниями. Нас было четверо, кто поступал на дизайн. А еще с нами поехала Лиля, которая считала, что быть дизайнером – это слишком большая ответственность: «Спроектируешь что-нибудь, а оно потом сломается, а отвечать тебе – ты ведь придумала». Поэтому Лиля решила поступать на худграф – художественно-графический факультет, где готовили учителей рисования и черчения.

И вот, таким образом получилось, что поступили из всей нашей компании только я – на дизайн, как и хотела, и Лиля – на худграф.

Когда мы с Лилей приехали в августе 1993 года заселяться в общежитие, то оказалось, что мест в общежитии нет. Не то, чтобы их совсем не было, но комнаты еще не освободились, хотя до начала учебы оставалась всего пара дней. Где нам ночевать – двум девушкам, приехавшим за 300 км, у которых нет в этом городе никаких родственников – об этом никто, разумеется, не думал.

Сотовых телефонов тогда, разумеется, и в помине не было. У Лили оказался номер городского телефона их соседки по даче. Это была та самая Любовь Ивановна, которая и отправила меня в академический отпуск в 1997 году. Я уже не помню, дозвонились мы или нет, но адрес у нас тоже был, и мы поехали в гости к Любове Ивановне.

Она была дома, нам повезло, накормила нас борщом и разрешила остаться ночевать, хотя сама ютилась с мужем и ребенком в крохотной двухкомнатной хрущевке, самостоятельно переделанной в трехкомнатную – так многие тогда делали, хоть маленькие комнатки, но зато отдельные. В квартире моих родителей в моем детстве было точно так же – в одной комнате жил дедушка, а в другой – мы с братом.

Кстати, Любовь Ивановна была как раз в тот момент беременна второй дочкой, которая впоследствии тоже закончила факультет дизайна с красным дипломом.

Вот так началась моя студенческая жизнь в другом городе, совсем не так радужно, как я думала. Комнату нам с Лилей на следующий день дали, конечно же. Но какую. До этого там жили мальчишки, и нам пришлось отмывать и отдраивать все углы, а потом еще мы и ремонт там сделали – покрасили окна и двери и поклеили обои. Да, совсем не так я представляла себе жизнь в общежитии.

И поэтому была приятно удивлена, когда в августе 2015 года мы заселяли в общежитие нашего сына Ивана в Санкт-Петербурге. На удивление, это общежитие было больше похоже на недорогую гостиницу, чем на общагу. Блочная система, чистота и порядок, душ, выложенный плиткой (я до сих пор помню наш ужасный душ в подвале, общий для мужчин и женщин, где ничего не закрывалось, поэтому в душ мы ходили по несколько человек – как минимум, вдвоем надо было идти – один моется, второй стоит возле двери, чтобы никто не зашел). Особых условий для приготовления пищи и стирки тоже не было, да и сейчас, говорят, в этом общежитии ничего особо не изменилось, хотя прошло уже больше двадцати лет.

В комнате нас жило четверо – я и три девочки с художественно-графического факультета – Лиля, Аля и Ирина с фамилией Иванова – моей будущей фамилией, после того, как я вышла замуж, я стала Ириной однофамилицей.

Нам пришлось поставить 2-ярусную кровать, потому что, если поставить в комнате просто четыре кровати – будет очень тесно. Я спала на втором этаже.

Художникам задавали достаточно мало, и они вовремя ложились спать. Я же засиживалась за полночь – у нас, дизайнеров, на первом курсе было очень много пропедевтики – то есть таких практических заданий, которые надо выполнять руками, а не на компьютере. Да и компьютеров тогда, в 1993 году, практически не было.

В университете в 1999 году преподаватели долго не понимали, что я беременна, хотя я этого ни от кого не скрывала, но все почему-то поняли это только осенью.

В сентябре у нас была преддипломная практика. Я выбрала тему дипломной работы, у меня был преподаватель – руководитель по дипломной работе, Оксана Геннадьевна. Мы с ней обсудили все, я ей сказала, что я беременна. Она очень удивилась, потому что по моей фигуре этого совсем не видно было, и сказала, что максимум работы по диплому мне нужно сделать сейчас, до того, как я рожу. По нашим с ней подсчетам это должно было случиться в конце декабря – начале января, и у нас была еще целая куча времени – четыре месяца, с сентября по декабрь. Но случилось это гораздо раньше, жизнь распорядилась по-своему.

В конце сентября я вместе со своими планшетами по преддипломной практике – в тот день у меня был просмотр по ней – сходила на УЗИ и оказалось, что со сроками врачи мне что-то напутали, и срок у меня уже гораздо больше, и по сути, мне уже вот-вот рожать.

В роддоме – если приглядеться, видна даже табличка с именем, фамилией, весом и ростом, датой рождения

Как я делала дипломную работу в палате нейрохирургии

Отдельного внимания, пожалуй, заслуживает тот факт, что я, не уйдя все-таки в академический отпуск, который, по правде говоря, наверное, следовало бы взять, защитила свою дипломную работу на «отлично».

Все началось с того, что я, придя в деканат, заявила нашему декану, Ермакову Александру Михайловичу, о том, что не намерена брать академ и буду защищать диплом в этом году.

– Ну что ж, – усмехнулся он. – Разве тебе кто запрещает?

– Да нет, – ответила я. – Никто не запрещает, просто я осталась без руководителя диплома, пока рожала, никто меня уже к себе не берет.

– Ну, это-то как раз дело поправимое, – сказал Ермаков. – Есть у меня для тебя руководитель, который всех берет и ни от кого еще ни разу не отказался. Пойдем. И привел меня к Морозову Михаилу Павловичу.

Здесь надо сделать лирическое отступление от сюжета, что в моей жизни было три преподавателя Морозова, на данный момент, конечно, жизнь-то длинная, возможно, встретятся и еще такие же замечательные люди с этой зимней фамилией.

С первым Морозовым, Валерием Ивановичем, я познакомилась сразу же, на первом курсе, он вел у нас цветоведение и отлично преподавал свой предмет. Мне нравилось составлять цветочные круги и делать выкраски, смешивать разные цвета друг с другом и смотреть, какие оттенки получаются.

Второй Морозов, Михаил Павлович, вел у нас основы дизайна среды на третьем курсе, я его немного знала.

А с третьим Морозовым, Василием Николаевичем, я познакомилась спустя много лет после окончания университета, в 2013 году, когда волею случая пришла учиться к нему в иконописную школу, благодаря моей подруге Ольге. Все три Морозова отличались поразительным чувством юмора, как и почти все художники и дизайнеры.

Тот же декан факультета дизайна Александр Михайлович Ермаков всегда нам преподавал свой предмет – историю дизайна – с большим юмором, и, кстати говоря, так информация гораздо легче нами запоминалась. Когда мы готовились к экзаменам, мы невольно вспоминали все запоминающиеся истории, которые он рассказывал, и благодаря этому, вспоминали и сами экзаменационные вопросы, и ответы на них.

Но вернемся к моему диплому. Итак, как вы уже, наверное, догадались, моим дипломным руководителем стал Морозов Михаил Павлович. Он сразу спросил, устроит ли меня удовлетворительная оценка, и услышав от меня твердое: «Нет, мне надо как минимум «хорошо», сказал: «Значит, сделаем на «хорошо».

Мне очень нравилось приходиться к Михаилу Павловичу на консультации. Он абсолютно не критиковал меня. Когда я приносила свои эскизы, он всегда говорил, что все замечательно, поначалу меня это удивляло, а потом я привыкла.

Очень помогли мне с дипломом наши свидетели на свадьбе – моя подруга Ольга и друг мужа Саша. Тогда еще были времена отсутствия гаджетов, это сейчас у каждого члена семьи по смартфону и планшету, а компьютер в доме даже уже и не котируется, как минимум есть ноутбук. Пройдет какое-то время, я думаю, и их уже не станет, а будет что-то другое, даже хорошо, что жизнь не стоит на месте, постоянно меняется и развивается.

А тогда, в 2000 году, счастьем было, что друг мужа Саша где-то раздобыл для меня огромного размера монитор, который даже на стол толком не помещался, и системный блок к нему.

А моя подруга Ольга очень помогла мне с идеей для дипломной работы. Как обычно, хорошая идея родилась буквально на пустом месте, так часто бывает.

Ване тогда было два года, и он, как и все дети в столь юном возрасте, очень любил рисовать. А если еще учесть, что мама его была уже на тот момент со средним специальным художественным образованием и почти заканчивала высшее, то не удивительно, что сын у такой мамы был маленьким художником.

Впрочем, мои детям действительно передались по наследству мои творческие способности, и сын увлекся театром, а дочка – музыкой. Но в детстве, как и все дети, Ваня не столько рисовал, сколько просто калякал на листе бумаги.

И тут, как раз в тот момент, когда друг мужа Саша Соколов принес компьютер, а моя подруга Ольга пришла к нам в гости, пазл сложился, и родилась моя дипломная работа, вернее, ее идея.

– Стойте, стойте! – воскликнула Оля, увидев, как папа с сыном что-то увлеченно калякают на листе бумаги. – Ведь это же готовая дипломная работа твоя, Ольга!

На листе бумаги, на который так завороченно смотрела моя подруга, я, честно говоря, сначала ничего не увидела и не поняла, от чего она пришла в такой дикий восторг по поводу рисунка моих мужа и сына. А потом до меня дошло!

Дело в том, что всю преддипломную практику я занималась тем, что собирала разрозненную информацию по фирменному стилю существующего тогда в Ижевске торгового предприятия по продаже канцтоваров – «Спорткультторга».

Мягко говоря, особого стиля там и не было... Был фирменный знак и отдельные элементы графики, не стыкующиеся между собой ни по цвету, ни по теме, ни по стилю.

И тут меня осенило! Я поняла, что имела в виду Ольга, моя более опытная, чем я, подруга-дизайнер. Она увидела на этом листочке, в этих Ваниных и Сашиних почеркушках то, что часто бывает в магазинах канцтоваров, особенно осенью, во время школьных базаров, когда все массово покупают канцтовары к школе.

Да и сейчас в магазинах, торгующих ручками и прочими пишущими предметами, непременно есть такие клочки бумаги, обычно возле кассы, служащие для того, чтобы на них покупатели проверяли, пишет ли ручка, которую они хотят купить.

Наверняка вы встречали такие листочки возле касс в магазинах канцтоваров, правда?

– Ты видишь то же, что вижу я? – спросила я у Ольги. – Ты хочешь сказать, что эти почеркушки можно как-то использовать для моего диплома?

– Еще как! – радостно ответила подруга. – Мы этот листочек отсканируем и на основе этого будем делать фирменный стиль школьного базара.

Идея понравилась и моему преподавателю. Все, пазл сложился. Теперь надо было развивать эту идею, додумывать элементы фирменного стиля и делать планшеты.

Текущие просмотры по этапам дипломного проекта были очень часто. Когда могла, я их посещала, но чаще не получалось, потому что очень много времени в течение первого года жизни мы с Анюткой проводили в больницах и других лечебных учреждениях. Когда была возможность меня подменить в больнице, я ездила на консультации к Морозову.

В остальное время я продолжала делать дипломную работу, в том числе и в палате нейрохирургии 7-й городской клинической больницы. Как сейчас помню – маленький черно-белый телевизор (в то время и это была роскошь для больницы), Саша откуда-то мне в палату его принес, чтобы не скучно было), начало мая, Евровидение и Алсу, занявшая тогда 2 место.

Я уже не помню толком, был ли телевизор в сестринской у медсестер или они просто приходили меня навестить и проверить, чем я занимаюсь, но приходили они часто и по очереди, то одна заглянет, то другая, то ли Евровидение посмотреть, то ли на меня.

– Что это ты такое делаешь, Оля? – заглядывая в дверь, спрашивала медсестра Наташа. – Рисуешь?

– Ну да, рисую. Дипломную работу делаю.

В пятиместной палате нейрохирургии, кроме нас с Анюткой, не было никого, всех либо выписали, либо отпустили домой на майские праздники.

Мы были одни, это было очень удобно, можно было вечером не выключать электричество и смотреть спокойно телевизор, потому что мы никому не мешали, и я могла спокойно рисовать, а Анюте просто чем-нибудь завешивала кровать, чтобы свет не попадал ей в глаза.

И вот, я смотрела Евровидение, радовалась и переживала за нашу певицу Алсу, а между делом, параллельно, как я люблю, потихоньку делала свою дипломную работу.

Но, как обычно студентам во время сессии и сдачи экзаменов и проектов, не хватает одной ночи. Тут уже подключились все, кто мог мне помочь. Приехали из Перми родители, они вместе с мужем помогали клеить на планшеты большого размера распечатанные на цветном принтере элементы моей дипломной работы в то время, как я писала пояснительную записку, которая еще не была готова.

На защите диплома я с гордостью говорила о том, что мне помогала вся семья, а идея моего дипломного проекта принадлежит моим мужу и сыну. Декан факультета дизайна Ермаков даже сказал пару слов обо мне комиссии, что вот мол, дипломница с двумя маленькими детьми заканчивает университет.

Комиссия была мной довольна и поставила «отлично» вместо «хорошо» – отметки, на которую я рассчитывала.

Удивительно, но многим моим сокурсникам поставили оценки «хорошо», хотя, как мне казалось, их проекты были более досконально проработаны, чем мой.

Наверное, все-таки, комиссия оценила мою идею, и наличие двух детей, я думаю, тоже сыграло положительную роль в этой истории.

После получения диплома дизайнера потянулись достаточно унылые, скучные, серые будни. Ничего запоминающегося за этот период времени выделить не могу. Анюта росла и развивалась, мы радовались этому, периодически лечились в нейрохирургии и в «Нейроне», в стационаре.

Видимо, прав мой муж, что сидя дома с ребенком, тупеешь. И неважно в данном случае, что ты готовишь, прибираешься, занимаешься с ребёнком дома (а мы занимались с Анютой много, в том числе и по системе Глена Домана, где надо было изготавливать много наглядных пособий), гуляешь. Все равно все считают, что ты ничего не делаешь.

Домашняя работа женщины – она не видна, но зато хорошо заметно ее отсутствие. Наверное, мне было скучно от того, что у меня не было определенной деятельности, которой бы я занималась. Если бы в тот период такая деятельность, возникла, скучать мне было бы некогда.

Тем не менее, когда Анюте было примерно полтора года, мне удалось устроиться на работу, по своей профессии, дизайнером, правда не по графике, а по мебели. И я даже договорилась о том, чтобы работать всего по полдня, так всех устраивало – и меня, и работодателя, и бабушку, Сашину маму, которая находилась с Анютой, пока я работала.

Я как раз училась тогда на курсах графического дизайна, от службы занятости, где состояла на учёте, но эти знания мне практически не пригодились.

Оказывается, всему можно научиться с нуля, достаточно лишь иметь базовое образование дизайнера, да и оно не так важно. Если даже у тебя нет художественного высшего или среднего образования, но есть большое желание, вкус, понятие о том, как и какие цвета сочетаются между собой, то всему остальному ты вполне можешь научиться самостоятельно или под руководством опытного наставника.

И здесь мне снова повезло! Вообще, читая эту книгу вы, дорогие читатели, наверное, думаете – ну и что, что у нее в семье родился ребенок-инвалид, если ей так в жизни везет? На хороших людей вокруг, на счастливые стечение обстоятельств, на врачей, на медсестёр. Так на самом деле может показаться, исходя из того, что я пишу.

На самом деле все немного не так. Тогда я этого не знала, а сейчас просто убеждена в этом – мы сами формируем свое окружение и свое везение. Все зависит только от нас. Как ты относишься к людям, так и люди к тебе. По-другому просто не может быть.

Но вернемся к моему первому месту работы в качестве дизайнера.

Главный дизайнер фирмы «Реминт», известной тогда, в 2001 году, на весь Ижевск и занимающейся изготовлением мебели на заказ и ремонтами, Нелюбина Алюся Индусовна, посмотрев мой диплом дизайнера, сказала:

– Хорошо, Оля, давайте Вы сделаете пробную работу – нарисуйте детскую комнату на двух детей, ваш вариант.

Я понятия не имела, как это сделать, но утвердительно качнула головой.

Этот момент определил мою дальнейшую судьбу – я стала дизайнером по мебели, а впоследствии – по интерьерам и торговому оборудованию.

Я тогда с горем пополам нарисовала этот проект детской комнаты на двух детей, сейчас, глядя на него, мне становится смешно – как меня могли взять на работу дизайнером с таким проектом?

Это было 13 апреля 2001 года. День, когда я устроилась на свою первую работу дизайнером, я как сейчас помню – снег тает, бегут ручьи, кругом лужи. Анютке было в то время полтора года, а я стояла на учёте в службе занятости, параллельно училась на компьютерных курсах, которые очень много мне дали, и еще и устроилась на работу на полдня в «Реминт».

Сначала у меня шла кругом голова от всех этих ПВХ, кромок и прочего-прочего... Ничего не понимала в мебели, абсолютно ничего... Но Алюся Индусовна почему-то поверила в меня, что я смогу работать у них дизайнером – и в итоге я действительно всему научилась и смогла.

А потом, в 2003 году, я попала в фирму «Сайн».

Звали меня туда три раза, и на третий раз я решила согласиться – а вдруг меня больше не позовут?

На этот раз причин для отказа не было – с Анюткой в тот период всё было в порядке – я как раз отдала её в детский сад с осени, и вот – 11 ноября 2003 года, как сейчас помню, я пришла первый раз в фирму, где задержалась на целых 7 с лишним лет.

Елена Михална, с которой до этого мы работали в «Реминте», сразу же договорилась с директором о моём испытательном сроке всего в 2 недели. Собеседования со мной практически не было – видимо, в те времена директор целиком и полностью доверял Михалне.

Я была счастлива – работа рядом с домом: можно идти пешком, можно ехать на транспорте – несколько остановок всего. Всё рядом – дом, детский садик.

Когда в 2004 году мы пролежали в нейрохирургии целый месяц, я решила из «Сайна» уходить – писать заявление об уходе. Хотя было жалко – полгода очень хорошо работала, нравилось, всё устраивало. Сказали – пойдём навстречу, сделаем удобный график, оставайся. Осталась.

Год 2017. Наши дни.

Как раз вчера, 30 марта 2017 года, мы встречались с бывшими коллегами по работе. С одной из них, Еленой Михайловной Куклиной, я знакома более 15 лет, еще с первого моего места работы, мебельной компании «Реминт».

Когда я устроилась в эту фирму на работу в 2001 году, мы работали с ней вместе в салоне в магазине «Детский мир», в те времена второй этаж магазина полностью сдавался в аренду.

Она, посмотрев на то, как я рисую эскизы мебели и научив меня считать готовое изделие – а в расчётах мебели она была большим мастером – сказала мне: «Через полгода, Оля, ты будешь отличным дизайнером! Это уже сейчас видно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.